

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2019, №4, Том 10 / 2019, No 4, Vol 10 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2019.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/44FLSK419.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Ткаченко О.Ю., Шитькова М.М. Лексико-семантическое поле и словесный ряд: возможности комплексного анализа художественного текста (на примере анализа повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья») // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/44FLSK419.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Tkachenko O.Yu., Shit'kova M.M. (2019). Lexico-semantic field and verbal sequence: possibilities of complex analysis of the literary text (on the example of analysis of F.M. Dostoyevsky's novel "Notes from Underground"). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 4(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/44FLSK419.pdf> (in Russian)

УДК 81`42

ГРНТИ 16.21.33

Ткаченко Ольга Юрьевна¹

ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького», Москва, Россия
Доцент кафедры «Русского языка и стилистики»
Кандидат филологических наук
E-mail: non_ho_paura@mail.ru
РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=777492

Шитькова Марина Мясумовна²

ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького», Москва, Россия
Доцент кафедры «Русского языка и стилистики»
Кандидат филологических наук
E-mail: marino4ka17-12@mail.ru
РИНЦ: http://elibrary.ru/author_profile.asp?id=781958

**Лексико-семантическое поле и словесный ряд:
возможности комплексного анализа художественного
текста (на примере анализа повести Ф.М. Достоевского
«Записки из подполья»)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию возможностей и особенностей комплексного текстового анализа, совмещающего изучение содержательно значимого лексико-семантического поля и словесного ряда, который включает единицы этого поля. Авторы считают, что полевой и традиционный стилистические подходы к исследованию единиц художественного текста не исключают друг друга; напротив, они совместимы, способны дополнить и взаимно обогатить друг друга, а в наиболее сложных случаях не могут употребляться автономно и работают только в комплексе. Эта мысль доказывается на примере

¹ <http://litinstitut.ru/content/tkachenko-olga-yurevna>

<https://www.facebook.com/profile.php?id=100000162800678&ref=bookmarks>

² <http://litinstitut.ru/content/shitkova-marina-myasumovna>

анализа лексико-семантического поля моральной оценки и словесного ряда характеристики персонажа в повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья».

Уже на этапе определения состава лексико-семантического поля в художественном тексте необходимо постоянное обращение к контексту и словесным рядам. Часто только анализ словесного ряда, включающего то или иное слово, позволяет однозначно определить, относится ли оно к исследуемому полю. Особенно это актуально для многозначных слов. Также словесный ряд может определять место слова в структуре поля: например, при энантиосемии слово не может быть отнесено к отрицательной или положительной области поля без анализа словесного ряда. Стилистический анализ словесного ряда в тексте, благодаря исследованию поля, обогащается четким представлением о соотношении включенных в ряд единиц на общезыковом уровне – уровне фонового знания, культурного контекста. Только посредством комплексного анализа лексико-семантического поля и словесного ряда удастся обнаружить единицы, меняющие свое значение в тексте, определить их роль в формировании идейного содержания и образной системы текста.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле; словесный ряд; стилистика; лингвистика текста; характеристика персонажа; оценочная лексика; моральная оценка; Достоевский; «Записки из подполья»

В настоящее время в области анализа художественного текста сформировалось несколько основных подходов, каждый из которых условно закреплен за той филологической дисциплиной, терминологию и методы анализа которой использует. В данной статье речь пойдет о двух одновременно и динамично развивающихся подходах к анализу художественного текста, предполагающих изучение значимых явлений его образной структуры и идейного содержания посредством анализа системы или последовательности входящих в него языковых единиц.

Первый из них предполагает компонентный лексический анализ текста и заимствует терминологию и методы описания лексики, выбранной из текста, у классической лексикологии. Объектом исследования в работах, придерживающихся этого подхода, являются, как правило, сложные системные объединения лексики – лексико-семантические и тематические группы и лексико-семантические (семантические) поля, а материалом – художественный текст [1–4 и др.]. В настоящей работе мы остановимся на анализе текста, осуществляемом посредством исследования в нем лексико-семантических полей (ЛСП).

При всем разнообразии работ этой группы их роднит то, что лексические единицы того или иного системного объединения выбираются из художественного текста, затем парадигматическим описываются как система вне текста, а затем (до этого этапа доходят не все, но большинство исследователей) «возвращаются» исследователем в текст, что влечет за собой «переосмысление их функции в нем и, возможно, содержания текста в целом на основании ранее полученной информации о жизни единицы вне текста» [5, с. 8]. Последний этап – анализ текстового употребления слова, обогащенный знанием о его месте в лексической системе языка, – исключительно важен для анализа текста. Очевидно, что работы, останавливающиеся на выборке единиц из текста и не предполагающие определения их текстовой роли, не раскрывают вопросов идейного содержания и образной структуры произведения.

Второй из интересующих нас подходов реализуется в современной теоретической стилистике, основы которой системно и полно изложены в работах А.И. Горшкова [6; 7]. Объектом исследований при стилистическом подходе к тексту часто становится словесный ряд [8–11 и др.] – «представленная в тексте последовательность (не обязательно непрерывная)

языковых единиц разных ярусов, объединенных композиционной ролью и соотносительностью с определенной сферой языкового употребления» [6, с. 152].

Вопрос о соотношении лексико-семантического поля и словесного ряда не нов [12], однако до сих пор он решался скорее в направлении противопоставления этих понятий на том бесспорном основании, что первое принадлежит исследованию языкового строя, в то время как второе неразрывно связано с областью употребления языка. «Будучи категорией текста, – пишет А.И. Горшков, – словесный ряд принципиально отличается от таких явлений, как синонимический ряд, семантическая или тематическая группа. Последние представляют собой категории языкового строя, описываются и фиксируются в лексикологии и лексикографии. <...> А словесный ряд как слагаемое композиции можно найти только в тексте» [6, с. 152]. В данной работе мы ни в коем случае не оспариваем этого утверждения и не сближаем разносистемные понятия лексико-семантического поля и словесного ряда. Цель статьи – показать, что границы описанных подходов к анализу художественного текста не являются непроницаемыми, что исследование значимого лексико-семантического поля в художественном тексте и изучение в нем словесного ряда могут применяться (и применяются) комплексно, взаимно обогащая друг друга.

Попытаемся доказать высказанное предположение на примере лексико-семантического поля моральной оценки и словесного ряда, с помощью которого создается образ рассказчика в повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья».

Для начала обратимся к проблемам изучения ЛСП в художественном тексте. ЛСП представляет собой «двухстороннее единство, имеющее план содержания и выражения <...>, построенное на семантической основе и отражающее элементы универсального мыслительного содержания, которое определяется внеязыковой действительностью и ее отражением в сознании людей» [13, с. 39]. Из этого следует, что даже определение состава ЛСП невозможно вне обращения к контексту, обеспечивающему считывание внеязыкового содержания. При изучении ЛСП в языке – это общекультурный фоновый контекст, а при изучении ЛСП в художественном тексте – и собственно текстовый, создаваемый на уровне употребления языка, и общекультурный.

Так, при определении состава ЛСП моральной оценки в тексте Достоевского мы столкнулись с рядом проблем, связанных с лексической полисемией. Очевидно, что многозначное слово в одних значениях может относиться к ЛСП, а в других нет, потому вопрос о принадлежности его составу ЛСП решается в каждом случае индивидуально, посредством обращения к текстовому употреблению. Это обращение далеко не всегда исчерпывается просмотром минимального контекста – часто для уверенного определения отнесенности слова к составу ЛСП и определения его места в полевой структуре требуется обратиться к анализу включающего его словесного ряда. В качестве примера рассмотрим особый случай полисемии – энантиосемию. В рамках биполярных оценочных полей, исходно предполагающих наличие двух ядерных зон поля – положительной и отрицательной, оценочные единицы, в зависимости от контекста, развивающие мелиоративную или пейоративную сему, составляют особую проблему.

Сравним два примера употребления в «Записках из подполья» слова «гордость». 1. «Я и не понял, что она нарочно маскировалась в насмешку, что это обыкновенная последняя уловка **стыдливых и целомудренных сердцем** людей, которым **грубо и навязчиво лезут в душу** и которые до последней минуты не сдают **от гордости** и **боятся перед вами высказать**

свое чувство»³. 2. «Я скажу тебе, палач, сам, для чего ты приходишь сюда: ты видишь, что я не выдаю тебе жалованья, сам не хочешь, по гордости, поклониться – попросить, и для того приходишь с своими глупыми взглядами меня наказывать, мучить, и не подозреваешь ты, палач, как это глупо, глупо, глупо, глупо!».

Слово «гордость» в одном из значений определяется как «чувство собственного достоинства, самоуважения»⁴; соответственно, наличие у человека гордости в этом значении характеризует его положительно. Другое значение того же слова, «чрезмерно высокое мнение о себе и пренебрежение к другим, заносчивость, высокомерие», сближает гордость с гордыней – страшнейшим из смертных грехов; оценка обладателя такой гордости категорически отрицательна. В обоих приведенных примерах основанием поступков людей персонаж-рассказчик называет гордость, в обоих случаях слово «гордость» явно имеет морально-оценочную семантику, но характер оценки в формуле «сделать что-либо от (по) гордости»⁴ нельзя определить без анализа употребления этой формулы в тексте.

Иногда для определения оценочного знака оказывается достаточно минимального контекста. Например, в другом фрагменте персонаж говорит о своей «непомерной гордости». В этом случае само сочетание с определением «непомерная» свидетельствует о том, что слово не может быть окрашено положительно. Приведенные выше контексты не обнаруживают столь явной подсказки: в них для определения оценочного знака слова «гордость» (а с ним и отношения рассказчика к персонажу, которого оно характеризует) необходимо обратиться к анализу словесного ряда.

В первом примере слово «гордость», характеризующее поступок Лизы и представляющее собой нравственную характеристику героини, попадает в один словесный ряд с характеристиками «стыдливый», «целомудренный сердцем», указанием, что героиня «боялась высказать свое чувство», а значит, обладала способностью чувствовать, и чувствовать глубоко и искренне. Положительное окружение слова «гордость» в исследуемом словесном ряду указывает, что и оно окрашено положительно. Подтверждает эту мысль и противопоставление характеристики Лизы, «маскировавшейся в насмешку» от гордости, отрицательной характеристике ее оппонента (в контексте – самого персонажа-рассказчика) – отнесению его к людям, которые «грубо и навязчиво лезут в душу».

Во втором примере, напротив, включенность слова «гордость» в один словесный ряд с единицами «палач», «наказывать», «мучить», «глупый», усиленное эмоциональным повтором ключевых слов характеристики персонажа «палач» и «глупо», однозначно сближает его гордость с гордыней.

Таким образом, в приведенных примерах только обращение к словесному ряду позволяет определить место единицы в структуре ЛСП моральной оценки, выявить ее знак.

Приступая к стилистическому анализу текста, следует исходить из того, что текст – это «словесное целое, заключающее в себе определенное содержание» [6, с. 66], а значит, его нельзя рассматривать исключительно как «языковой материал», необходимый для исследования отдельных языковых единиц без учета содержания текста и его композиционной формы. Как отмечал В.В. Одинцов, «текст создается не для того, чтобы употребить какие-то слова или синтаксические конструкции, а для выражения мыслей, содержания» [14, с. 4]. С другой

³ Здесь и далее цитаты из текста «Записок из подполья» приводятся по изданию: Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (глав. ред.) и др.; ИРЛИ. Т. 5. Повести и рассказы 1862–1866. Игрок. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1973. – 408 с.

⁴ Словарь русского языка: в 4 т. (МАС) / Под ред. А.П. Евгеньевой; РАН; Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.

стороны, на что указывает А.И. Горшков, «содержание текста, конечно, не складывается механически из значений языковых единиц, присущих им в строе языка» [6, с. 104]. «Текст не образуется отдельно единицами лексики, отдельно – фонетики, отдельно – морфологии и т. п. В тексте словесные ряды, включающие в свой состав языковые единицы всех ярусов, образуют смысловое и композиционное единство. Понятие композиции выступает как ключевое, поскольку непосредственно выражает идею целостности, единства текста» [7, с. 22].

Словесный ряд – одна из важнейших категорий текста. Словесные ряды, являясь составляющими словесной композиции, относятся к плану выражения и реализуют определенное содержание, поэтому именно их анализ дает представление о том, как организован текст, и приближает к пониманию авторского замысла.

Автор текста может и не задумываться о существовании словесной композиции и словесных рядов, являющихся ее составляющими, но это не означает, что его текст не будет их содержать.

В статье «О теории литературных стилей» В.В. Виноградов, формулируя задачи исследования, указывает: «По сути, эта задача сводится к тому, чтобы, как осколки разбитого зеркала, собрать словесные элементы произведения, установив последовательность в выборе определенных формул и восстанавливая систему семантических соответствий. Это как раз и есть проблема определения композиционно-словесного оформления» [15, с. 245].

Но если элементами словесного ряда являются языковые единицы разных ярусов, можно ли рассматривать словесный ряд в отвлечении от анализа специфики включенных в него языковых единиц и присущих им значений?

Чтобы делать выводы о роли словесных рядов в том или ином тексте, необходимо сначала выделить входящие в рассматриваемые ряды языковые единицы, проанализировать их исходные характеристики на уровне языковых единиц, а затем говорить об особенностях употребления и их составе в данных словесных рядах. Таким образом, мы сможем перейти к исследованию языкового употребления, т. е. достичь уровня текста. Словесный ряд в этом случае, хотя и не равен таким понятиям, как синонимический ряд, семантическая группа, семантическое поле, используемым при описании строя языка, однако включает в себя их элементы, располагающиеся внутри словесного ряда в определенной последовательности, вступающие друг с другом в различного рода системные отношения и приобретающие дополнительные контекстуальные оттенки значений, не исключая при этом появления абсолютно новых значений, не свойственных данным единицам в языке, вне анализируемого словесного ряда. Вследствие сказанного выше представляется целесообразным провести исследование с целью выяснить, как элементы определенного ЛСП функционируют внутри словесного ряда в условиях художественного текста.

Анализ единиц ЛСП моральной оценки внутри словесного ряда, связанного с изображением героя-рассказчика в повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья», представляется показательным, поскольку для выбранного произведения словесный ряд, с помощью которого создается образ рассказчика, является ведущим. Данный словесный ряд включает в себя компоненты разных ЛСП, однако ЛСП моральной оценки занимает ключевую позицию, т. к. именно с помощью его компонентов дается характеристика центрального образа повести.

Компоненты ЛСП моральной оценки вступают между собой в антонимические и синонимические отношения, тем самым приобретая дополнительные семантические оттенки и углубляя содержание создаваемого образа. При этом отношения использованных лексем усложняются настолько, что в определенном контексте возможна подмена значения у рассматриваемых компонентов, вплоть до изменения привычного знака языковой оценки

(превращения положительной единицы в отрицательную и наоборот), а также изменения оценочного основания – развития этически значимых сем у исходной оценки по другому признаку (например, эстетической или интеллектуальной). Рассмотрим это на примерах.

«Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым. Теперь же доживаю в своем углу, дразня себя злобным и ни к чему не служащим утешением, что умный человек и не может серьезно чем-нибудь сделаться, а делается чем-нибудь только дурак».

Как мы видим, предложенная героем-рассказчиком собственная характеристика включает ряд сопоставляемых и противопоставляемых человеческих качеств. Расположение компонентов внутри синтаксической конструкции, представляющей из себя антитезу, свидетельствует о том, что сопоставляются, попадая в общий ряд, компоненты *злым – подлецом – героем*, с одной стороны, и *ничем – добрым – честным – насекомым*, с другой стороны. Таким образом, на уровне словесного ряда *злой подлец-герой* противопоставлен *доброму честному насекомому*. Сдвиг оценки поддерживается и следующими в данном контексте антонимами: *умный человек – дурак*. Аутсайдером становится умный, а дурак способен занять место в обществе, став кем-то из пары обрисованных выше персонажей. Именно такое «сдвинутое» в сознании героя-рассказчика представление о мире и человеке загоняет его в тупик – в «подполье». Он считает себя умным, а значит, лишен выбора.

Заметим, что словесный ряд, воссоздающий образ героя, в приведенном примере строится на противопоставлении входящих в ЛСП моральной оценки общеязыковых компонентов (*добрый – злой, честный – подлец*). В то же время сближение в рамках словесного ряда с общеязыковыми единицами ЛСП других единиц противопоставления, во-первых, активизирует морально-оценочные семы многозначных слов и позволяет уверенно отнести их к составу ЛСП моральной оценки (*герой, насекомое*), во-вторых, развивает эти семы у единиц, которые в словарном значении к моральным оценкам не относятся.

Учитывая, что «при изучении ЛСП в художественном тексте представляется целесообразным, с одной стороны, объективно, опираясь на реальное семантическое соотношение единиц языка, фиксируемое словарями и иными кодифицирующими текстами, установить базовое соотношение единиц исследуемого ЛСП и выстроить их ожидаемую – общеязыковую – систему, с другой – выявить посредством комплексного анализа текста отклонения от этой системы, определяющие значимые – авторские – ее трансформации» [5, с. 3], такие слова, обнаруживающие при анализе словесного ряда оценочные коннотации, представляют особый интерес в системе морально-оценочных единиц текста. Эти слова относятся к индивидуально-авторским единицам ЛСП – специфической области поля в художественном тексте, отделенной от общеязыковой, но не менее (и даже более, учитывая большую образность таких «переосмысленных» единиц) значимой. Так, языковые интеллектуальные оценки *умный* и *дурак* в составе ряда примыкают к морально-оценочным характеристикам и тем самым занимают свое место в ряду индивидуально-авторских единиц исследуемого нами ЛСП.

Читая текст «Записок из подполья», можно заметить, что слов с отрицательной коннотацией в нем больше. Полная выборка лексики и статистический анализ состава ЛСП показывают, что общее соотношение положительной и отрицательной лексики в «Записках из подполья» составляет 71 % отрицательных единиц на 29 % положительных [4, с. 238]. Среди отрицательных единиц текста основными будут *злой, гадкий, подлый, скверный, мерзкий, злобный* и их производные. Ряд далеко не исчерпан, кроме того, рассматриваемое значение, как было отмечено выше, контекстуально могут приобретать и компоненты других ЛСП. Перечисленными качествами персонаж-рассказчик наделяет себя, а также ряд реальных описываемых им персонажей («этакому *подлецу, поросенку, Зверкову*», «за ним, *подленьким*,

звонким, как у собачонки, голоском закатился **подлец** Ферфичкин») и даже предметы, окружающие его: «Где-то за перегородкой, как будто от какого-то сильного давления, как будто кто-то душил их, – захрипели часы. После неестественно долгого хрипенья последовал тоненький, **гаденький** и как-то неожиданно частый звон, – точно кто-то вдруг вперед выскочил».

Среди значительно менее частотных положительных лексем ЛСП моральной оценки можно выделить своеобразные «формулы», построенные на контекстной синонимии: «**прекрасное и высокое**», «**простодушное и доброе**», «**добрый и честный**». Однако следует отметить, что в ближайшем окружении читатель обязательно найдет и слова с отрицательной коннотацией: «Я бы **придирался** ко всякому случаю, чтоб сначала пролить в свой бокал слезу, а потом выпить его за все **прекрасное и высокое**. Я бы все на свете обратил тогда в **прекрасное и высокое**; в **гадчайшей**, **беспорной дряни** отыскал бы **прекрасное и высокое**». Таким образом, «формула», состоящая из двух положительных на общеязыковом уровне оценок, в контексте приобретает отрицательное значение.

Себя персонаж-рассказчик характеризует словами с положительной коннотацией только через отрицание этих положительных характеристик и достаточно редко («...Я **не могу быть ... добрым!**»). Среди персонажей повести «заслуживает» положительной оценки со стороны рассказчика исключительно Лиза («**Что-то простодушное и доброе** было в этом лице, но как-то до странности **серьезное**»). Во всех остальных случаях лексика ЛСП моральной оценки с положительной коннотацией используется в рассуждениях об абстрактном человеке, человеке вообще, и часто со сменой оценочного знака. Важно, что вне анализа словесного ряда определить смену оценочного знака и выяснить реальное соотношение положительных и отрицательных единиц в исследуемом текстовом ЛСП невозможно.

Особенностью словесного ряда, включающего в себя единицы поля моральной оценки, также можно считать обилие лексических повторов. Указанный стилистический прием помогает определенным образом охарактеризовать состояние героя-рассказчика, бесконечно повторяющего одно и то же слово, психологически зажатого внутри какой-либо своей мысли. Как правило, повторяется именно слово, принадлежащее общеязыковому составу ЛСП моральной оценки, или лексические единицы, приобретающие такие значения в контексте. Кроме повтора, словесный ряд обычно содержит парадоксальные сочетания, построенные с помощью единиц с разной коннотацией. Например: «...ощущал какое-то **тайное, ненормальное, подленькое наслаждение** возвращаться, бывало, в иную **гадчайшую петербургскую** ночь к себе в угол и усиленно сознавать, что вот и сегодня сделал опять **гадость**, что сделанного опять-таки никак не **воротить**, и внутренне, тайно, **грызть, грызть** себя за это **зубами, пилить и сосать** себя до того, что **горечь** обращалась наконец в какую-то **позорную, проклятую сладость** и наконец – в **решительное, серьезное наслаждение!** Да, в **наслаждение, в наслаждение!** Я стою на том. Я потому и заговорил, что мне все хочется наверно узнать: **бывают ли у других такие наслаждения?** Я вам объясню: **наслаждение** было тут именно от **слишком яркого сознания своего унижения**».

Особую роль в приведенном примере выполняют суффиксы субъективной оценки, внося дополнительные семантические оттенки, что поддерживает общее содержание рассматриваемого словесного ряда. Оттенок уничижительности в словах с уменьшительно-ласкательными суффиксами добавляется в этом случае почти всегда, т. к. указанные суффиксы содержатся в словах с отрицательной коннотацией, являющихся компонентами ЛСП моральной оценки, либо лексемы рассматриваемого ЛСП сопровождают слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом, образуя с ним словосочетание (**гаденький человек, подленькие стоны, на моих дрянных стенных часиках**).

Специфичным может быть не только наличие каких-либо определенных единиц внутри словесного ряда, но и отсутствие таковых. Значимое отсутствие компонентов ряда или целого словесного ряда в этом случае служит дополнительным средством субъективации [10, с. 49], образ героя-рассказчика получает конкретные детали, характеризующие его с той или иной стороны. В повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» такими «значимо отсутствующими» единицами являются лексемы со значением «религиозное чувство и сознание человека». В речи рассказчика происходит их замещение общеэтическими единицами с наиболее абстрактным значением (*хороший, добрый, добро, злой, злоба* и др.). Для характеристики героя описываемого периода это весьма показательная деталь, свидетельствующая о глубоком кризисе личности героя, отрицании им традиционного православного нравственного идеала как основы общей этики. В финале повести персонаж-рассказчик дает ответ на вопрос, почему кризис личности настолько глубок, но, что любопытно, все-таки обходится без единиц со значением «религиозное чувство и сознание человека», хотя для человека его эпохи религиозное чувство пока еще мыслится как составляющая его духовности: *«Вы хвалитесь сознанием, но вы только колеблетесь, потому что хоть ум у вас и работает, но сердце ваше развратом помрачено, а без чистого сердца – полного, правильного сознания не будет»*. Еще большее значение отсутствие единиц данной группы в тексте приобретает в контексте сопоставительного анализа произведений Ф.М. Достоевского. Оказывается, что отсутствие лексических единиц со значением «религиозное чувство и сознание человека» составляет ключевое отличие морально-оценочного содержания речи, а значит, и этической картины мира подпольного человека от морально-оценочного содержания речи и этической картины мира романских героев-идеологов Ф.М. Достоевского. Иначе говоря, усложнение образа отрицательного героя со сбитыми нравственными представлениями в романах, по сравнению с предшествовавшей им повестью, являющейся своего рода предисловием к знаменитому «Пятикнижию», связано именно в развитии в их системе ценностей и их речи темы религиозного чувства и сознания человека.

Таким образом, при изучении ЛСП моральной оценки в художественном тексте и словесного ряда, активно включающего единицы данного ЛСП, мы выяснили, что системное представление лексики текста в виде полевой структуры помогает сделать значимые выводы, в том числе касающиеся языковой композиции текста. И напротив, определение состава и описание структуры ЛСП в художественном тексте невозможно вне анализа текстового употребления лексем, стилистического анализа словесного ряда. Представленные подходы хотя и противопоставлены по исходным принципам, не исключают, а взаимообогащают, гармонично дополняют друг друга и открывают перспективы как комплексного разностороннего исследования отдельного текста, так и сопоставительного анализа разных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бут, А.С. Лексико-семантическое поле «Понимание» в драматургическом тексте А.П. Чехова: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Бут Анна Сергеевна. – Москва, 2014. – 201 с.
2. Тюрин, В.Б. Лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н.М. Рубцова: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Тюрин Владимир Борисович. – Нижний Новгород, 2017. – 211 с.
3. Белов, А.А. Лексико-семантическое поле «Зной» в поэтических текстах Ф.И. Тютчева: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Белов Андрей Александрович. – Санкт-Петербург, 2008. – 170 с.

4. Ткаченко, О.Ю. Лексико-семантическое поле моральной оценки и этическая структура художественного мира Ф.М. Достоевского: к проблеме творческой эволюции: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Ткаченко Ольга Юрьевна. – Москва, 2011. – 428 с.
5. Ткаченко, О.Ю. Особенности изучения лексико-семантического поля в художественном тексте (на примере лексико-семантического поля моральной оценки в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы») // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019, № 3, <https://sfk-mn.ru/PDF/04FLSK319.pdf> (доступ свободный).
6. Горшков, А.И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности / А.И. Горшков. – М.: Литературный ин-т им. А.М. Горького, 2008. – 544 с.
7. Горшков, А.И. Русский язык в русской словесности / А.И. Горшков. – М.: Литературный ин-т им. А.М. Горького, 2015. – 248 с.
8. Звездина, Ю.В. Метафорические словесные ряды романа Захара Прилепина «Обитель» // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2014. – С. 21–23.
9. Иванова, А.В. Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. Материалы X Международной научной конференции. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2017. – С. 46–48.
10. Шитькова, М.М. Сенсорный словесный ряд как средство субъективации // Язык как материал словесности: XXI научные чтения (20 октября 2018 г. Москва / К 95-летию профессора А.И. Горшкова). – Казань: Бук, 2018. – 192 с.
11. Шитькова, М.М. – Взаимодействие словесных рядов в художественном тексте // Litera. – 2019. – № 2. – С. 165–174. DOI: 10.25136/2409-8698.2019.2.29749 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29749.
12. Папян, Ю.М. Семантическое поле и словесный ряд (к проблеме категорий стилистики текста) // Вестник литературного института им. А.М. Горького. – М.: ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького», 2008. – С. 37–45.
13. Маркелова, Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Маркелова Татьяна Викторовна. – М., 1996. – 552 с.
14. Одинцов, В.В. Стилистика текста / В.В. Одинцов. – М.: Наука, 1980. – 262 с.
15. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы. Избранные труды / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.

Tkachenko Olga Yurievna

Maxim Gorky institute of literature and creative writing, Moscow, Russia
E-mail: non_ho_paura@mail.ru

Shit'kova Marina Myasumovna

Maxim Gorky institute of literature and creative writing, Moscow, Russia
E-mail: marino4ka17-12@mail.ru

Lexico-semantic field and verbal sequence: possibilities of complex analysis of the literary text (on the example of analysis of F.M. Dostoyevsky's novel "Notes from Underground")

Abstract. The article is devoted to the study of the possibilities and peculiarities of a complex text analysis combining the study of a meaningful lexico-semantic field and the verbal sequence including components of this field. The authors believe that field and traditional stylistic approaches to exploring components of literary text do not exclude each other; on the contrary, they are compatible, can complement and mutually enrich each other and in the most difficult cases cannot be used independently and do work only in a complex. This idea is proved by the example of the analysis of the lexico-semantic field of moral assessment and the verbal sequence of character's characteristic in F.M. Dostoevsky's novel "Notes from the Underground". Already at the stage of determining the quantity of words in the lexico-semantic field of the literary text it is necessary to constantly refer to the context and verbal sequences. Frequently only the analysis of a verbal sequence involving a certain word makes it possible to uniquely determine whether it belongs to the field being studied. This is especially true for polysemantic words. A verbal sequence can also determine the place of a word in a field structure: for example, words with enantiosemy cannot be referred to a negative or positive field area without analysis of the verbal sequences. The lexico-semantic field shows how components of the verbal sequence are connected in the language. It refers to the level of background knowledge, cultural context. Only the complex analysis of lexico-semantic field and verbal sequences can help to find components changing its' meaning in text, to determine its' role in creation of ideological content and figurative system of text.

Keywords: lexico-semantic field; verbal sequence; stylistics; text's linguistics; character's characteristic; evaluative vocabulary; moral assessment; Dostoevsky; "Notes from Underground"

REFERENCES

1. But A.S. (2014). Leksiko-semanticheskoe pole «Ponimanie» v dramaturgicheskom tekste A.P. Chekhova. [*The lexical-semantic field "Understanding" in the dramatic text A.P. Chekhov.*] Moscow, p. 201.
2. Tyurin V.B. (2017). Leksiko-semanticheskoe pole «Rodina» v lirike N.M. Rubtsova. [*The lexical-semantic field "Homeland" in the lyrics of N.M. Rubtsova.*] Nizhny Novgorod, p. 211.
3. Belov A.A. (2008). Leksiko-semanticheskoe pole «Znoy» v pochticheskikh tekstakh F.I. Tyutcheva. [*The lexical-semantic field "Heat" in the poetic texts of F.I. Tyutcheva.*] Saint Petersburg, p. 170.
4. Tkachenko O.Yu. (2011). Leksiko-semanticheskoe pole moral'noy otsenki i eticheskaya struktura khudozhestvennogo mira F.M. Dostoevskogo: k probleme tvorcheskoy ehvolyutsii. [*The lexical-semantic field of moral evaluation and the ethical*

- structure of the art world F.M. Dostoevsky: to the problem of creative evolution.*] Moscow, p. 428.
5. Tkachenko O.Yu. (2019). Features of studying of the lexico-semantic field in the literary text (on the example of the lexico-semantic field of moral assessment in the novel by F.M. Dostoevsky «The Brothers Karamazov»). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 3(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/04FLSK319.pdf> (in Russian)
 6. Gorshkov A.I. (2008). *Russkaya stilistika i stilisticheskiy analiz proizvedeniy slovesnosti. [Russian stylistics and stylistic analysis of literary works on.]* Moscow: Literary Institute named after A.M. Gorky, p. 544.
 7. Gorshkov A.I. (2015). *Russkiy yazyk v russkoy slovesnosti. [Russian language in Russian literature.]* Moscow: Literary Institute named after A.M. Gorky, p. 248.
 8. Zvezdina Yu.V. (2014). *Metaforicheskie slovesnye ryady romana Zakhara Prilepina «Obitel'» // Interpretatsiya teksta: lingvisticheskiy, literaturovedcheskiy i metodicheskiy aspekty. [Metaphorical verbal series of Zakhar Prilepin's novel "The Abode" // Text interpretation: linguistic, literary and methodological aspects.]* Chita: Transbaikal State University, pp. 21–23.
 9. Ivanova A.V. (2017). *Interpretatsiya teksta: lingvisticheskiy, literaturovedcheskiy i metodicheskiy aspekty. [Interpretation of the text: linguistic, literary and methodological aspects.]* Chita: Transbaikal State University, pp. 46–48.
 10. Shit'kova M.M. (2018). *Sensornyy slovesnyy ryad kak sredstvo sub"ektivatsii. [Touch verbal series as a means of subjectivation.]* Kazan: Beech, p. 192.
 11. Shit'kova M.M. (2019). The interaction of the verbal series in a literary text. *Litera*, [online] 2, pp. 165–174. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29749 (in Russian). DOI: 10.25136/2409-8698.2019.2.29749.
 12. Papyan Yu.M. (2008). *Sensornyy slovesnyy ryad kak sredstvo sub"ektivatsii. [Touch verbal series as a means of subjectivation.]* Kazan: Beech, p. 192.
 13. Papyan Yu.M. (2008). Semantic field and word series (on the problem of categories of text stylistics). *Bulletin of the A.M. Gorky*, pp. 37–45 (in Russian).
 14. Markelova T.V. (1996). *Semantika otsenki i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke. [Semantics of assessment and means of its expression in Russian.]* Moscow, p. 552.
 15. Odintsov V.V. (1980). *Stilistika teksta. [Text style.]* Moscow: The science, p. 262.
 16. Vinogradov V.V. (1980). *O yazyke khudozhestvennoy literatury. Izbrannyye trudy. [About the language of fiction. Selected Works.]* Moscow: The science, p. 360.